

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

КАВАЛЕРИСТЫ

Артем Владимирович Драбкин

Кавалеристы

Серия «Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42207610

*Кавалеристы:
ISBN 978-5-6040916-6-1*

Аннотация

Со второй половины 80-х годов об этом роде войск Красной Армии можно было услышать только плохое: «Советское руководство переоценило роль кавалерии», «кавалеристы в командовании Красной Армии не давали развиваться современным родам войск и проводить механизацию», «с шашками на танки». Но насколько правдивы эти утверждения? Действительно командование РККА переоценило роль кавалерии, а красные конники бросались в самоубийственные кавалерийские атаки на танки? Какова была тактика советской кавалерии во время Великой Отечественной войны? За какие заслуги семь из восьми кавалерийских корпусов Красной Армии стали гвардейскими? На эти и многие другие вопросы отвечают герои новой книги проекта «Я помню» (<http://iremeber.ru>) – ветераны-кавалеристы.

Содержание

Дупак Николай Лукьянович	5
Деревянкин Николай Андреевич	20
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кавалеристы

© ООО «Яуза-каталог», 2019

Дупак Николай Лукьянович

Николай Дупак, фронтовое фото

В июне 1941-го мне было 19 лет, и я снимался в роли Андрея из «Тараса Бульбы» у Довженко. В субботу и воскресенье у нас был выходной. Нам сказали, что мы должны будем посмотреть какую-то зарубежную картину. Мы должны были в воскресенье, в 12 часов, быть на студии. Я что-то читал и перечитывал, лег спать поздно и проснулся от стрельбы. Я выхожу на балкон, и сосед тоже выходит. «Шо це так-е?» – «Да це мабуть маневры Киевского военного округа». И только он это сказал – вдруг метрах, может быть, в 100 самолет со свастикой разворачивается и идет бомбить мост через Днепр. Вот это я впервые увидел. Это было часов в 5 утра. Жара страшная – градусов 30. Окна открыты. Сосед побледнел – что-то не похоже на маневры. Спустились вниз. Никто ничего не знает. Я пошел на трамвай. Вдруг опять налет. Бросили бомбу на еврейский базар, который был на том месте, где сейчас находится цирк. Тогда я увидел первые жертвы. Приехал я на студию. Прослушали выступление Молотова. Картина стала ясна. Митинг. Александр Петрович выступил и сказал, что вместо запланированных полутора лет на съемку картины мы сделаем ее за полгода и будем бить врага на его территории. Настрой был вот такой! Но буквально на следующий день, когда мы приехали на съемки, то массовки, в которой участвовали солдаты, не было. Тогда мы поняли, что, извините, это – всерьез и надолго. В эти дни продолжались бомбежки, шли потоки беженцев с Украины. На второй или третий день войны ко мне в но-

мер уже поставили кровати. Пытались создать условия для беженцев. Начали на студии рыть щели. Еще несколько дней мы собирались сниматься, но потом началась запись в народное ополчение. В него, кроме меня, вступили и Александр Петрович, и Андреев, и Олейников. Отправили нас под Новоград-Волынский. Когда мы туда приехали, я никого из них не увидел, а были только рабочие, монтировщики. Выстроилась наша команда. «Кто имеет высшее образование – 2 шага вперед, среднее – шаг вперед». Я, вроде, высшего не имел. Сделал шаг, потом потоптался и еще немного вперед. «Напра-а-во!» И нас – в казармы. А дальше происходило распределение – кого куда учить. Меня спросили, умею ли я ездить верхом. Я сказал: «Да», – и меня зачислили в кавалерийское училище.

Особенно нас отрезвило выступление Сталина 3 июля. Тут уж мы со всей очевидностью поняли, что это надолго. Погрузили нас в состав и повезли в Харьков. А оттуда – в Новочеркасское кавалерийское училище. Учили на лейтенантов, командиров взводов. У нас была боевая подготовка и занятия с лошадьми, за которыми мы сами ухаживали. Выездка. Чистка. Кормежка. Плюс к этому овладевали джигитовкой, вольтижировкой, рубкой лозы. Вскикивали на ходу. У меня первой лошадью была кобыла Ежевика – ужасно вредное животное. Командир училища решил два эскадрона по 150 человек сделать, а чтобы не путались, он разделил по цвету на гнедых и вороных. И тут у меня Ежевику забрали и

дали потрясающего коня Орсика, который впоследствии меня спас. Надо сказать, что три раза меня лошадь выручала от гибели. Нас учили с октября по январь. В ноябре или начале декабря, после того как немцы ворвались в Донбасс, нас послали заткнуть дыру во фронте. Нас выгрузили на станции, и мы верхом две ночи ехали – искали противника. Километрах в пятидесяти от станции передовой дозор наткнулся на мотоциклистов, и полковник Артемьев, командир, решил атаковать. Оказалось, что там не только мотоциклисты, но и танки. Нас расколошматили, мы потеряли человек двадцать. Меня ранило в горло, я схватился за гриву коня, и одиннадцать километров до речки Кальмус, где располагался наш полевой госпиталь, он меня нес. Я находился в полусознании. Меня сняли. Сделали операцию. Вставляли трубку. Нас срочно вернули в Новочеркасск, откуда мы своим ходом отправились в Пятигорск на учебу.

Нас выпустили младшими лейтенантами 2 января. За тот бой мне дали награду. Получилось так, что нас, несколько человек – отличников боевой и политической подготовки, отправили в Москву, в резервный эскадрон инспектора кавалерии Красной армии Ока Ивановича Городовикова. Кормили плохо. Мы все время писали рапорты, чтобы отправили нас на фронт. Было такое патриотическое чувство, что надо Родину защищать.

В итоге меня назначили командиром взвода в 250-й, впоследствии 29-й гвардейский кавалерийский полк, во вновь

сформированную в Оренбурге Краснознаменную 11-ю дивизию имени Морозова 1-й конной армии. *(В сентябре 1941-го в Оренбурге сформировали 11-ю кд, которая к концу войны называлась 8-я Гвардейская кавалерийская Ровенская Краснознаменная ордена Суворова дивизия имени Морозова. Командовал ею с момента формирования полковник Суржиков Михаил Иосифович. Преобразована в 8-ю гв. кд 19.01.1943. Первоначально вошла в 60-ю армию (резерв), потом переброшена под Москву в состав Московской зоны обороны, 4 января 1942-го вошла в состав 16-го кк (Рязань). 16 марта 1942-го вошла в состав 7-го кк, в составе которого воевала на Брянском фронте. – А. Киян.)*

Мы все имели. Оренбуржцы нас очень хорошо одели: папки, бурки. Наряженные, мы очень отличались от других. Нам даже шоколад давали, когда мы стали гвардейской частью. Снабжение было хорошее. Было положено 50 г масла, крупа – 500 г, 800 г хлеба, для лошадей – овес или сено. С фуражом было так: в училище выдавали корм централизованно, а на фронте искали фураж, когда не успевали его подвозить. Сам не покушай, а коня накорми.

В кавполку я впервые увидел противотанковые ружья. Через неделю после моего прибытия мы выступили из Москвы на Брянский фронт. Сначала эти ружья везли в седле и, конечно, набили холки лошадям так, что они вышли из строя. Мое первое рационализаторское предложение было поставить эти ружья на лыжи, поводки от которых тянули два

всадника.

На фронте

Уже на Брянском фронте мы попали в окружение, и я получил благодарность от командования за то, что организовал добычу дегтя. Деготь нужен для смазки сбруи, поскольку она высыхает, и ее необходимо постоянно смазывать. Я помнил картинку из учебника физики или химии, где было показано, как гонят деготь. На фронте меня назначили адъютантом командира полка. Потом меня ранило, и когда я вернулся, я попросился в боевую часть. Хотелось командовать самостоятельно. Меня назначили командиром взвода разведки. Вскоре меня контузило, но после контузии я вернулся во взвод. В январе 1943-го командир эскадрона был смертельно ранен,

и меня назначили на его место. Закончил я войну под Мерефой, где был ранен, старшим лейтенантом, командиром эскадрона. Я вот сейчас удивляюсь, как я мог в 20 лет командовать эскадронам? Это же около 120 человек да плюс еще пулеметный взвод и батарея 45 мм. В общем 250 человек. Это же надо всех напоить, накормить и корм для лошадей достать! Помогало, конечно, и то, что молодежи в кавалерии было мало. Потому что надо любить коня, знать коня, уметь обращаться. Жалели коней, потому что, если конь выйдет из строя, ты уже не кавалерист. После большого перехода нельзя лошади давать пить. Надо обязательно покрыть попоной, чтобы лошадь остыла. Целая наука! Запасных лошадей не было. Все время шло пополнение.

В марте месяце 1943 года была страшная распутица. Армия Рыбалко прорвала фронт под Кантемировкой, и мы вошли в прорыв. Взяли крупный железнодорожный центр Валуйки. При его захвате нам удалось остановить эшелоны с продовольствием и вооружением, которые шли на восток. Видимо, немцы не ожидали такого глубокого прорыва. На той станции стояло, наверное, шесть груженных составов. Со всяким добром, вплоть до спирта. Некоторые выстрелят в цистерну, наберут котелок, а остальное его не интересует. За Валуйки нам дали и гвардейское имя, и мне – орден Красного Знамени.

Пошли дальше и уже под Мерефой столкнулись с переброшенной туда дивизией «Викинг». Это вояки страшные –

и по росту, и по убежденности. Они не отступали. Там я был ранен и отправлен из медсанбата в госпиталь в Тарановку. Документы туда ушли, а меня мой коновод выкрал и вывез меня в свою часть. Командира опекали. Это меня спасло. В Тарановку ворвались немцы и всех уничтожили – медсестер, раненых и больных.

Еще когда мы заняли Валуйки, там можно было выбрать себе лошадь. Мне присмотрелся битюг. Назвал я его «Немец». Нашел я и саночки. Коваленко, мой ординарец, взял под свое покровительство и саночки, и коня. Когда он приехал в госпиталь, мы не знали, где немцы. Короче, мы едем, и вдруг – какие-то солдаты на краю деревни, к которой мы подъезжаем, метрах, может, в 150–200. Хотели проехать через эту деревню. Я вижу, что это – немцы. Коваленко смекнул и тут же развернул коня и пустил его аллюром, и он летит с колоссальной скоростью. Я еще – идиот легкомысленный. Когда у коня ухо ранено, он становится зверем – самое больное место у коня. Я возьми и выстрели из пистолета в ухо. Видимо, попал. Как он понесся! Через овраги в лес. А сзади по нам – из автоматов. Вот так немецкий конь спас советского офицера. Однако ранения стопы и руки оказались серьезными. Сначала меня отправили в Мичуринск. Полежал неделю, и отправили в Бурденко в Москву. Там – 10 дней. Потом в Куйбышев. Там – 2–3 дня. Потом в Чапаевск, в Актюбинск. Смысл такой – если ты можешь вернуться в строй сейчас, то тебя не увозили далеко. Потом меня

КОМИССОВАЛИ.

Николай Дупак, фото времен войны

– Атаковали ли в конном строю?

– В атаку в конном строю я ходил только в училище, а так чтобы рубить – нет, и с кавалерией противника встречаться не приходилось. В училище были такие ученые лошади, что, даже заслышав жалкое «ура», они уже рвались вперед, и их только сдерживай. Храпят... Нет, не приходилось. Воевали, спешившись. Коноводы отводили лошадей в укрытия. Правда, часто жестоко за это расплачивались, поскольку немцы, бывало, обстреливали их из минометов. Коновод был один на отделение из 11 лошадей.

– Чем вы были вооружены?

– В основном вооружены были карабинами, но в начале 43-го нам выдали автоматы.

– Вы сказали, что лошади три раза вас спасали.

– Да, я уже рассказал, как меня спас Орсик и Немец. После Орсика у меня был конь Кавалер. Красавец! В 42-м году была первая годовщина формирования нашей дивизии. Командовал ею полковник Суржиков, бывший адъютант Ворошилова. Отмечали в 250-м кавполке, где я служил. Комдив поехал встречать Рокоссовского – командующего фронтом – за околицу, а мы, построившись в каре, ждем. Вдруг я вижу, что въезжает джип и выходит Рокоссовский. Я командую: «Полк! Равняйся! Смирно!» Только я начал: «Товарищ командующий...», как вижу, на аллюре влетает Суржиков! Мне не удалось доложить, что мы к параду готовы. После парада командир полка полковник Евгений Леонидович Кор-

бус говорит: «Я не поеду в 253-й полк поздравлять, а поручаю это тебе». Мы поехали вместе с командиром 253-го полка Серышевым, поздравили с праздником. Было это примерно в двух километрах от фронта, в районе Бежин Луг, Белев, Мичурин. Тургеневские места. Мы едем обратно. Вдруг начался обстрел. Нас – человек шесть, и первая мина падает прямо под брюхо Кавалера. Он как сноп падает, у него все разорвано, а я только контужен, да башлык и венгерка все в дырках. Принял на себя все осколки.

Конная разведка

– **Тачанки использовались?**

– Тачанки использовались. У нас было 4 штуки с пулеметом, все как у Василия Ивановича.

– Как их применяли?

– Как в кино. В том эпизоде с вражеской разведкой тачанка только успела развернуться к мотоциклистам, а тут как с танка шарахнут! И все вдребезги – постромки, люди, лошади...

– Болели ли люди?

– Я не помню, чтобы люди болели, а лошади болели.

– Какие лошади наиболее подходят для военной службы?

– Какие были, таких и брали. Были и необъезженные. Потом, лошади же воспитываются. Это как человек, только не разговаривает. Видишь, что-то она расстроенная. Сахарку принесешь. Сам не съешь, а ей принесешь, и она готова тебе служить. Чем лучше ты ее содержишь, тем лучше она к тебе относится. В Валуйках мы взяли потрясающих лошадей итальянского горно-альпийского стрелкового корпуса. Такие выездные. Наши все бросились на них, но потом пришлось их бросать, потому что они не приспособлены были к длительным маршам. Ведь иногда за ночь нужно было пройти 120–150 километров. Они просто гибли.

Слева направо: Николай Дупак, командир полка Евгений Леонидович Корбус, начальник штаба и комиссар.

– Как проходил марш под дождем?

– Под дождем – набивали холки. Были раненые. Лошадей лечили. Случилось так, что наш комиссар погиб. Он выехал на обочину и подорвался на mine, а у коня была ранена нога; и он стоит, и смотрит, и плачет... И мы понимаем, что и он безнадежен. Прыгает на трех ногах... Это самый страшный эпизод в моей жизни.

– Как относились к пленным?

– По-разному. Поехал я на разведку, а заодно и на поиски фуража. Вижу, идет колонна без оружия. Я высылаю двух разведчиков. Оказалось, что это – итальянцы, которые бро-

сили фронт и шли к себе домой. Вот эту команду, почти 500 человек, мы привели. У меня даже в эскадроне было два итальянца при кухне, но потом вышел приказ, чтобы всех пленных отправить в тыл. Они рассказывали, что у их офицеров были шпаги, и когда он звал в атаку, то размахивал шпагой. Они ему аплодировали и кричали «Браво. Брависсимо». Конечно, они не хотели воевать. Да и вообще, итальянцы – не вояки. Добродушный народ.

В другой раз мы на месте расстреляли шестерых солдат из дивизии «Викинг». Видимо, это был передовой дозор из 12–15 человек, который в одной деревне перебил почти взвод наших ребят вместе с лейтенантом, замечательным мужиком. Потом нам удалось их окружить и частично уничтожить, а шестерых захватить. Вооружены они были прекрасно. Здоровые, крепкие мужики. Семьи, дети. Это очень неприятный момент, и о нем лучше не вспоминать, но это была месть за конкретных ребят. Потом это осудили, но под суд никого не отдали. В общем, такого, что расстреливали за то, что они пленные, не было. Расстреливали тех, которых захватили на месте преступления. Война – очень жестокая вещь.

– Как вы относились к немцам?

– Немцы – враг номер один. Так и относились. Очень воинственные, грамотные, но туповатые, туповатые ребята. Они больше нас убивали. Конечно, мы вырвали победу, не считаясь с потерями. Важно было выстоять и победить. Са-

мые жестокие – это власовцы, когда деревни освобождали, жители говорили, что с немцами можно было договориться, а с этими – нет: «Ты – коммуняка, сволочь большевистская!» Забирали все.

– **Что было самым тяжелым на войне?**

– Самое тяжелое, когда 100 километров надо было пройти за ночь. Рысь – галоп, рысь – галоп. Бесконечные команды: «Не жалеть лошадей! Не жалеть лошадей!» Потому что к утру надо быть в другом месте. Если в небоевой обстановке тебя могли за загнанного коня под трибунал отправить, то в этом случае требовали выжимать из лошади все, на что она способна. Время! Время! Люди падали с лошадей, засыпая. Падали и лошади с разрывом сердца. Надо сказать, что лошадей мне жалко больше, чем людей. Человек может все-таки лечь, спрятаться. У него есть возможности избежать трагической ситуации. Это ты сидишь в седле и управляешь, а лошадь ничего этого не может.

Интервью и лит. обработка АРТЕМА ДРАБКИНА

Деревянкин Николай Андреевич

Николай Андреевич Деревянкин, подполковник. Послевоенные годы

Родился я в деревне Григорьевка Духовницкого района, где и жил до семи лет. А в семь лет вместе с родителями был выслан на хутор Мухино Перелюбского района Саратовской области. В 37-м году отца признали врагом народа, и мы с матерью бежали из Саратовской области в Куйбышевскую, ибо нам грозились, что нас сошлют в Сибирь. Но в 40-м году вражеская деятельность отца не подтвердилась, его освободили, но он к этому времени уже болел туберкулезом.

Ну, кончил 10 классов 16 июня 41-го года. 21 июня у нас был выпускной вечер, каждый из нас мечтал на выпускном вечере поступать в институт. А 22-го объявили войну.

26-го я уже со своими товарищами тремя был в Чкаловском зенитно-артиллерийском училище. Откуда меня через месяц отчислили, так как сказали, что я слабосильный. Когда же нас собрали в кавалерийском училище, то там и сильные были. И тут нам один еврей сказал: «Братцы! Не поэтому. Вы же, наверное, дети кулаков».

– Да, да...

– Ну, вот-вот, поэтому вас и... Вы самолет пропустите, не собоете, как быть? И за вас отвечай...

Кончил я училище в конце января 42-го года и был направлен в Москву, во 2-й Гвардейский кавалерийский казачий Кубанский полк, но не в казачью дивизию, а в 30-ю кавалерийскую дивизию, в которой я в наступательных боях... Все меня спрашивают: «А ты же 5 декабря не был в Москве,

а почему у тебя медаль «За оборону Москвы»?» Я отвечаю: «Оборона-то до 20 апреля считалась, и поэтому мы входили в состав обороняющих Москву». Здесь я был 6 апреля. 6 апреля наша дивизия должна была войти в тыл врага, но при переходе линии обороны я был ранен. Попал в госпиталь.

Пролежал в госпитале четыре месяца. Потом, по выздоровлении, из госпиталя выписали меня в 87-й запасной кавалерийский полк. Тут я встретил своего однокашника по полку, Алексея Иванова. Он мне рассказал про всех, кто погиб. «Все, – говорит, – в основном погибли... В основном погибли... ранеными. Потому что расположили, – говорит, – в лесу, а их немцы забросали гранатами». Алексей был направлен в маршевый взвод. Это те, которые уезжают на фронт. А я был направлен командиром взвода постоянного состава. Разница в том, что маршевики, командир маршевого взвода ждет отправки на фронт, а я готовлю свои кадры и передаю кому-то другому. За эти годы я побывал 7 раз на фронте и видел, как...

Ведь везешь: одни молчат, другие начинают шутить... солдаты, которые на фронт-то, чтоб успокоить себя... третьи балагурят. И думаешь: «Ну, чего...»

Прослужил я год и семь месяцев, побывав на фронте несколько раз. И 14 марта 44-го года я встретился с Буденным. И повздорили. Дело в том, что мы везли очень худой конский состав, а к этому составу прикреплен был вагон подарков Сталину, Тимошенко, Ворошилову и Буденному.

Это хорошие жеребцы были. А Буденный приказал жеребцов везти на фронт, а кобылиц пусть врач отберет, и выгрузить ему. Я говорю: «Не буду. Это подарки Сталина. Да меня посадят сразу, как только я приеду, если не раньше». Говорили, говорили, адъютант его и говорит: «Ты, лейтенант, заслужишь штрафбата. Ты вместо сопровождать поедешь в штрафбат». Я говорю: «Тогда пишите распоряжение письменно». Адъютант написал, Буденный подписал. Я успокоился, отдал им кобыл, а жеребцов повез на фронт. Там опять загвоздка: жеребцов на фронт не положено, кастрированных надо. Я говорю: «Буденный приказал». А надо мной смеются: «Буденный... Видел ли ты его?» Я: «Как же, видел!» Ладно, приехал я, сдал, предупредил командира корпуса генерала Соколова, что это команда Буденного, никакой ошибки нет. Вот у меня есть бумажка, что я по его команде выполнил. Возвратился и сам переживаю: «Черт возьми! Вот кто-нибудь донесет: подарки Сталину отправил на фронт, кобыл нет».

Прослужил я в запасном полку год семь месяцев, а служить в запасном полку хуже, чем на фронте: все думают, что шкуру спасает этот лейтенант. «Смотрите, все воюют, а он здесь учит воевать». Несмотря на то что у меня на груди ленточка и медаль. А ему что, солдату...

Произошел тут случай. Один из бывших арестантов, уголовников, избил якута-солдата. Пришлось его избить. И надо же, на фронт поехали мы с ним вместе. У меня, конечно,

поджилки трясутся: «Черт его знает!» И вот он однажды по дороге мне говорит: «Товарищ лейтенант, ударь меня».

– За что?

– А как в прошлый раз. Ты здорово бьешь. Ну, ударь...

Я ему:

– Брось дурить-то. Я знаю, что ты хочешь от меня узнать. Ты даже не понял, что бил-то не я, а бил сержант сзади левой рукой. И ты падал, а я только махал.

– Я его найду, я его убью, гада такого-то.

И вот едем, все ж я боюсь. Доложить, что уберите от меня солдата, кто это пойдет мне... А потом, он может меня пристрелить и не в одном взводе, а в разных взводах...

Я приехал на фронт со своим взводом: мне привилегию сделали. И с этим взводом я воевал уже в 10-й Гвардейской кавалерийской казачьей Кубанской дивизии, а та стала, в которой я раньше воевал, 17-й. В 36-м Гвардейском казачьем Кубанском двух орденов Александра Невского...

И вдруг прибывает к нам майор, бывший мой командир взвода. Мы встречаемся с ним. «Откуда ты, – говорят, – знаешь? Теперь у тебя блат». – «Не знаю, не знаю, – говорю, – блат будет или нет».

И в первом же бою... Бой был не столько удачный в целом-то, а для нашего полка был удачный: мы взяли населенный пункт. И кто-то донес, что мы отошли из населенного пункта без приказа. И вместо орденов нас к следователю. Мы два дня доказывали, что никуда мы не отступали. Где наше

место? Здесь. Так куда же мы отступали... Откуда мы знаем, кто доложил. А получилось, видимо, так... Мы-то прошли, а тут танкисты противника начали стрельбу. Посыльный не мог пройти и вернулся назад, сказал, что мы отошли. «Ладно, – говорят, – мы вас восстановим». Так и не восстановили.

Через семь дней мы все же по ордену Красной Звезды получили, за другой бой. Тут мы воевали с другой дивизией, с 9-й Гвардейской казачьей Кубанской дивизией. Приданы были в помощь на правом фланге. Дивизия наступает против лесозавода, а мы: «Чего нам лезть на лесозавод? Дай-ка правее, раз никого нет». Оврагом зашли в город. Город-то взяли, кричали своих-то, а этот командир дивизии забыл, что у него есть эскадрон приданный, чужой. И мы решили выйти назад. Взяли пленных, убитых припрятали до возвращения. Идем и попадаем на командный пункт командира дивизии. И он уже со страха кричит командиру эскадрона: «Кто вы?»

– Мы – четвертый эскадрон.

– Кто такие? – спрашивает.

– Мы вам приданы.

Подходит командир эскадрона к нему, он его бьет:

– Врешь ты, немцы там.

– Нету немцев в городе. Ну нету...

Он ему говорит, командир эскадрона Дроздов был: «Скажите: что делать-то? Мы еще раз зайдем в город, но что делать-то? Если хочешь наступать, наступай, мы с тыла ударим. Потому что нам же тяжелей: артиллерия будет бить, и

немецкая, и наша, по нам же». Договорились, часа через два взяли... они вышли к нам в город, мы на окраину города. Приходим в свой полк. «Вы, – говорят, – все живые?» – «Да, четверых только...» Погибло четверо. Это, как говорится, очередной бой.

– Где это было?

– Это было в Чехословакии. Деревня называется Алначи. У нас (в Удмуртии) Алнаши, а деревня называется Алначи.

Во взятии Дебрецена мы внешний фронт занимали. Его окружили, врага-то, а мы не подпускали с внешней стороны. Нам пообещали ордена, если у нас кони будут чистые, а мы с Федей Абрамовым пошутили, что наша боевая готовность от чистоты хвоста не зависит. И нас лишили орденов.

А последний бой был тоже в Чехословакии. Я получил одно задание, чтобы тыл прикрыть. А пока прикрывал, полк положил один пулеметчик. Один пулеметчик с горы. И мне говорят: «Ты пока не зашел туда-то. Давай-ка зайди посмотри, что на горе-то». Зашли – один! Мы в него выпустили тринадцать пуль... И взяли. Я ранен был, и командир эскадрона был убит. Подходит заместитель командира полка и говорит: «Ты чего, ранен?» Я говорю: «Да».

– Где командир эскадрона?

– Убит.

– А ты чего не идешь в тыл?

Я говорю: «Так некому командовать эскадроном-то». Он говорит: «Давай я пока останусь за тебя, может, кто-нибудь

подойдет». Я говорю: «Вон у меня сержант тут, неплохой мужик». «Ладно, иди», – говорит. Пулеметчик один мой, тоже раненый, не оставил поля боя и без наград остался. И меня только представили к награждению орденом за этот последний бой после войны. Я уже отлежал полтора месяца в госпитале.

Кончилась война. Я думал уволиться, так как мне перспективы не было, что меня везде будут тыкать носом, что я сын врага народа и внук кулака (*смеется*).

Самое главное, кончилась война, уж отец твой был (он родился в 1950-м). Приезжаю в Златоуст, куда дед был выслан. И дорогой едем, бабка какая-то рассказывает, как она вот то-то и то-то, как ей трудно живется-то. У меня мысли были уже в Златоусте. Приезжаем – встречают. Первой бабку, а потом меня. Это бабка моя была родная! Я говорю: «Ты чего не сказала?» А она говорит: «Ты чего не сказал?»

– Я не узнал.

Решили надуть деда. Приходим, я и говорю: «Вот что, старик, я у вас буду жить на квартире». Открываю чемодан, размещаюсь. Он: «Я сказал, что у меня нет квартиры».

– Дед, ничего, выдержишь.

Он берет меня за руку и выводит... Пытается вывести. Тут уж моя тетка говорит: «Папа, да это твой же внук!»

– Что?! Ах, балбес! – и пошел... – Бутылка-то есть?

– Есть-есть.

– Ты чего сразу-то не сказал, что ты внук?

Тетка говорит: «Да мы тебя разыгрывали, пап. Мы думали, кто из вас узнает или не узнает. Николай-то узнал, потому что мы его привели, но ты-то чего-нибудь мог». И потом так расстались.

Я продолжал служить до 73-го года на интендантской должности.

– Чему учили в кавалерийском училище?

– В училище лейтенант Колбас человек службистый был. Он учил нас четыре часа чистить кобылам подхвостье. И сколько мы ни говорили, что ну не зависит... Мыть еще заставлял больных лошадей. Остальное... Конная подготовка – мороз на улице. Одни надевают на себя три пилотки, чтоб не замерзнуть, все теплое берут. Одно отделение идет на занятия по конной подготовке, второе – изучать материальную часть. А ее и не было, материальной части. Хотели нас выпустить раньше, потом кто-то одумался, что офицеров и так не хватает, а тут еще выпустить... А вот куда уж делся этот майор Колбас, не знаю.

– Какие были настроения?

– Воевать хотели, воевать... Нас же научили! У меня же четыре значка было: «Будь готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок». Фотокарточка где-то у меня есть. Приехал я в полк-то и не знаю. Знаю материальную часть винтовки образца 1891 года. Мне тут же ребята, которые были, дали автомат немецкий и пистолет большой.

Война эта никому не нужна. Смотришь... Если в бой:

– Ты чего такой?

– Да ничего.

– Чего?!

– Да ничего.

– Ну, ты скажешь или нет?!

– Вот, прислали письмо из деревни, дети голодают.

Некоторое-то цензура вычеркивала, а это...

– Не ходи сегодня в бой. Иди вон к коням в тыл. Дня через два оклемается и идет в бой.

А один был, лейтенант Мальцев, вот он живой или нет, не знаю, каждый бой у него дурно что-нибудь случается. Даже на самодеятельности и то подвел он меня. Перед последним наступлением чем-то солдат надо занять. Материальной частью его уже не займешь. Он или знает, или не знает, ему не до этого. Он знает, что я завтра в бой пойду. И вот, вдруг меня командир эскадрона Дроздов вызывает и говорит: «Слушай, ты в самодеятельности что-нибудь понимаешь?»

– Ничего не понимаю.

– Как это ты не понимаешь?

– А чего?

Дает мне стакан водки. Выпил я. Не водки, а вина, что ли... Пошел на самодеятельность, а там молдаване в основном были, это уж третье пополнение. Я с ними говорю, а они говорят: «Да ты маши руками-то, как хочешь, мы все равно петь будем, как хотим» (*смеется*). Я, значит, машу и вдруг вижу, что я упаду с настила-то. И я делаю сальто через го-

лову и на ноги становлюсь. Признали, что я это сознательно сделал. От испугу-то бежать скорее с этой самодеятельности. Попросил еще полстаканчика, дал мне старшина. Слышу, играют на аккордеоне и кричат: «Это же твой аккордеон. Ты же премию получил».

– За что?

– А посчитали твой номер, как будто ты сознательно сделал.

Я говорю: «Какой же это сознательно?»

Нет, тяжело. Вот так вот вспомнишь... Ну вот, якуты, эвенки были. Русского не знают... Вот... И нельзя с плохим настроением идти в бой! Бдительность теряется. И уж тут я, конечно, научился, что вперед я не совался, только сзади шел все время. Полз, а не шел.

Потерял я первый раз коня, убили подо мной, а второго танком задавили. Мы ушли. Их-то оставили, а сами ушли. Немецкие танки их подавили. Немного осталось.

А озоровать, все равно озоровали. Как было... Даже думаешь: «Вот черт возьми, ведь знаешь: завтра тебя убьют или искалечат». Сколько хороших ребят погибло. Жалко, а чем поможешь. Смотришь, выворочены все внутренности. Он просит добить – я не имею права добивать, а вдруг он будет жить. А сейчас эти лопухи...

– **За лошадьми много приходилось ухаживать?**

– Да где? Ее же... Лошадей оставляешь с коноводами, а сами в бой.

– В конном строю не ходили в бой?

– Ни разу. Ни разу... Разговор был только о Доваторе, что он пошел в конном строю. С одной стороны говорили, что он поднял. С другой стороны: «Глупость». «Ну что, – говорит, – раз, и тут же его прибили». И, бедный, шашку носил я четыре года и никому ничего не рубил ей. Вот сейчас прошу казаков, чтоб мне шашку подарили.

– Казачьи части отличались от обычных кавалерийских частей?

– Формой.

– Носили ее?

– А куда ж ты денешься, больше ничего не давали. Она-то была смешанная. У кого-то есть, у кого-то нет. У командира эскадрона была форма, у меня фуфайка была. И, может быть, это и спасло меня. Его погубила форма, потому что он в казачьей форме высунулся. Хороший человек был, смелый, решительный. У него правило было: «Чего отступать? Завтра заставят брать. Нет, не будем отступать». И как только обстановка ухудшается, он спать хочет. Ложится спать. Буркой укроется, а мы с Федей следим, знаем, что он не спит.

– Где командир эскадрона?

– Вон спит!

И успокаиваются все.

– Как было с бытом? Кормили на фронте лучше, чем в запасном полку?

– Что достанется. Там от чего... То надо подвезти, то кух-

ню разбомбили. Сама норма была выше. В запасном-то полку... как она... третья, что ли, норма была. А здесь первая, и обидно, что когда уходишь с передовой на отдых, тоже тебе дают вторую, чтоб ты не очень-то разжирел.

Так что я не советовал бы никому воевать. Слава богу, что вот между этой контрреволюцией не было гражданской войны. А-то перебили бы...

– В запасном полку как долго учили солдат?

– Три месяца, а лейтенанта шесть. А нас пять, так как мы на месяц позднее пришли. Некоторых сразу отправляли, потому что прибывали уже опытные некоторые. Но за год семь месяцев ни одного солдата я не видел, чтоб возвратился с фронта. Ни одного. Или попадали в другие... Ни одного.

147 человек я недосчитался в своем взводе.

Во второй-то раз я мог бы, конечно, открутиться, не ехать. Сам виноват.

– Какой был возраст солдат?

– Всякий. От 18, 17 с половиной до 50. Поэтому некоторых стариками (в беседе он называл другое слово на «с», но его на записи не разобрать. Позже он не смог вспомнить, что это за слово. Сказал, что людей старшего возраста называли «стариками», «отцами») называли. Но чтобы, как ее... де-довщина, нет. Вот я говорю, кроме одного случая (имеется в виду случай с уголовником, о котором говорилось ранее). Посмеяться, что-нибудь поозоровать, привязать за что-нибудь...

Был у меня солдат. Медалью награжден «За боевые заслуги», и покончил, как говорится, самоубийством. В смысле... Отвели нас на отдых, а лошадей-то не было, и мы пешком шпарили на отдых. А идут машины ночью туда-сюда, и он решил на машине подъехать. Прыгнул и сорвался, и чека из гранаты... Мог бы он выбросить. Это теоретически, конечно... А он опять прыгнул, и что... прикрыл... тоже героически получилось, что он своим телом прикрыл других. Его хоронили мы с честью, полком. Что родителям напишешь? Так же и написали: «Ваш сын, проявив мужество и героизм, погиб в бою». Не напишешь же, что было. Открыли когда карманы – сколько молитв у него было. Каких только не было. А он полный такой, малоразворотливый, но силой-то обладал.

– Лошади часто гибли? Что делали, когда без лошади оставались?

– Ели (*смеется*). Если меня ранили, лошадь убита, с меня: «А где лошадь?»

– Убита.

– А где мясо?

Когда лошадь убита – это просто пир был. Дохлых ели, зимой если. Мясо-то не так прокисает. Был у нас первый командир эскадрона, который божился, крестился, что он конину никогда есть не будет. А Иванов Лешка, повар, заходит.

– Иван Иванович, скажите, пожалуйста, а чем вы нас кормите?

– Как чем... Кониной.

Командир эскадрона вскочил:

– Я тебе покажу конину!

– А я не знал, что вы не едите. (*Смеется.*)

– Какой породы были лошади?

– Какой... Всякой. Вот я Буденному-то показывал монгольских, маленьких. Надо мной же в запасном полку... У меня дезертир был один, мнимый дезертир. Я пока за ним ездил, набили холку моему коню, и начальник штаба майор Дарпович решил меня проучить. Другие же лошади были нормальные, а он, чтобы я был на монголке. Все, значит, на больших, на крупных лошадях, а я на монголке в хвосте ты-ты-ты. А физрук был, Шульга, озорник. Он все пытался перепрыгнуть на своем коне через меня. Раза два по хвосту проскальзывало. Я получил от сына замкомандира полка письмо. Полковник, доцент химической службы, где-то в Подмосковье служил... Пишет мне, что я помню, как какой-то лейтенант на маленькой лошаденке, а физрук пытался через него перепрыгнуть. Я ему написал: «Это я был».

А он и дезертиром-то не был бы. Получил телеграмму – жена умерла, и он тут же ночью уехал. Приезжаю, смотрю в окно, летом дело было. Смотрю – гроб, он над гробом. Я зашел, он повернулся, видит, что это я.

– Ну, что, товарищ лейтенант, судить будут?

Я говорю:

– Подожди ты. Давай похороним, потом...

Пришлось могилу рыть. Детей нет, родственников нет. Приехал, рапорт стал писать, говорю: то-то случилось.

– Ладно, все равно через две недели на фронт. Пусть едет.

– Чего ты так задержался?

– Хоронили жену-то. Куда ее девать? Некому...

Я говорю:

– Зашел бы, нашел бы меня.

– **Какое отношение было к политрукам?**

– К политрукам у нас нормальное отношение было. Все зависит от него. Они же у нас только в первой половине войны были, потом уж их не стало. Вот под Москвой у нас был толстяк политрук. Татарин из пехоты. Он предпочитал ходить пешком, чем на коне, потому что был из пехоты взят-то. Идет и песенки поет, на русском языке... У нас только неприятность была, вызывал меня замполит. Я одному сержанту грозил, что я его застрелю. Достал пистолет, в чем моя вина-то была. И тут же вышли на отдых. Сержант доложил командиру. Он меня вызвал:

– Слушай! Если уж достал, так стреляй! Жалобы не было бы.

– А что, жаловался?

– Жаловался! – говорит. Я ему говорю, что без причины не может быть. – А что они сделали?

Я говорю:

– Он и с ним два солдата... Мы ушли метров 500 вперед, а они в окопе лежат.

– Ты доставал пистолет?

– Доставал.

– Ладно, иди. Ничего не было.

Он говорит:

– Это хорошо – я понимаю тебя. Ты уже давно воюешь. А так что? Оружием угрожал. Сержанту.

А так... Мы все равно с ним нормально... нормальные взаимоотношения были.

– Как относились к особистам? К штрафным частям?

– СМЕРШ у нас был. Разные были, разные... Вот меня, например, сопровождал... Каждый эшелон сопровождает представитель СМЕРШа. Он только следит, нет ли шпионов, не подсели ли. А там что было... Просят какие-нибудь дамочки: «Посадите, подвезите». Некоторые не выдерживали, подсаживали. Они это засекали: «Почему?» А так все зависит от человека. Ну, не было у нас инцидентов между собой, между командирами взводов, между командирами эскадронов. Все было нормально.

Только я нормально не отпросился на увольнение из армии. Сколько я ни просился. Пять лет просился. Потом уж отслужил 10 лет, думаю: «Куда деваться? Потеряны 10 лет». То ли я плохой был? Я же ни одного воинского звания вовремя не получил. У меня были все дела да случаи. Или кулаческое происхождение мое, или невоспитанный я был. Я-то считал, что из-за кулака.

– Как относились к мародерству на фронте? Наказывали?

– Мародерство... Там иногда за мародерство-то не всегда считали. Человек три дня голодный, поймал курицу. Другие махнут, и все. А так, чтобы что-то отбирали, ничего не было. Потом, солдат во время боя – ему ничего не нужно. Возьму я, допустим, костюм какой-нибудь хозяйский, а что дальше со мной случится? Что дальше со мной случится? И поэтому... Ведь мародерничали – это в тылу, которые не воевали на передовой, и из этих, среди которых бывшие зэки, а сегодня законные солдаты Советской армии.

Вот эти.

Ну что, лошадей отбирали у венгров. Мы раза три отбирали. Раз попались – отобрали не у тех. Чехи оказались-то, и из той деревни, где прокурор нашей дивизии расположился. Они тут же, деревня-то рядом, пришли и сказали, что лошадей у них отобрали. Ему кто-то сказал: «Это у них ищите». Пришли – мы кушаем.

– Где лошади?!

– Какие лошади?

Командир эскадрона – старший лейтенант, а этот капитан, прокурор-то.

– Какие лошади? Ты что, ошалел?! Не мешай мне кушать!

Сел и уехал. Тут же является следователь. Этот у нас уже был раз.

– У вас, что ли?

– Да, у нас.

– А где они сейчас?

– Да мы их подстригли. Сейчас их не узнает никто.

– Какие? У них нету лошадей. Они своих отдают.

Раненых лошадей... Чего она, таскаем ее за собой.

– Пожалуйста! Сколько у вас взяли? Четыре? А мы шесть дадим.

Отмотались. Прокурор говорит следователю:

– У них были?

– Нет, нет. У них не было.

Хороший был мужик.

– Как вас встречали в Европе? Как относились к вам в Чехословакии, в Венгрии?

– Встречали хорошо. Чехи особенно хорошо встречали, потому что мы с ними союзниками были. А эти вот, мадьяры... Это... Им в 56-м году законно попало. Они же там вели себя так. Потом ведь, во время боя не до встречи. Если передышка есть, то пять-шесть человек выйдет.

Здесь не было забот. Заботы были, как бы не убили и как бы мне не умереть после ранения. Вот гады.

– Расскажите про свои ранения? Как лечили?

– В первый раз, я во время подготовки... В ночь мы должны перейти, и я проверял, можно ли в конном строю пройти речушку. Проверил все, стали... и вдруг самолеты на Москву летят. Обычно они пролетали, а тут увидели, что здесь можно переправу... и сбросили бомбы. И я попал под од-

ну бомбу. Коня у меня убило, а я был ранен. Вот ведь был порядок дурной! Из чужой дивизии тебя санитар не перевяжет. Прошу перевязать девчонок, и одна только согласилась перевязать моим бинтом мне рану. И уже обработку-то раны сделали в медсанбате. Я пришел, доложил то-то и то-то. «Ну, ладно, – говорит. – Давай езжай, лечись». И что я задержался... У меня было ранение в правую руку, одно и не насквозь, а с маленькой пленочкой, кожа осталась. Все-все, заживает. Все, готовлюсь выписываться. Вдруг вскрывается рана. Потом я врачам говорю: «Слушайте, нет там какой-нибудь тряпки?» А рентгенов же тогда не было, это сейчас везде. Я говорю: «Вы разрежьте на сквозную, посмотрите, промойте».

– Это, кажется, не положено.

– Ну что, я столько месяцев лежу и...

А задел-то меня один раненый. Врач говорит: «Слушай, ты ходишь, у тебя ноги целы (на ногах зажили ранения, которые были). А мы сестру гоняем по палатам. Ей надо работать, а она: того позови, того позови». Захожу в палату: «Петров, на перевязку!» Лежит один, уже лет 45: «Ха! Мы воюем, старики, а молодежь посыльными служит». Я возвращаюсь: «Вера Ивановна, больше не пойду. Пошли ваш...» Халат сбрасываю.

– Чего, Коль?

– Да вон...

– Хе, сейчас он будет перед тобой извинения просить.

Сходи-ка за ним... Где?

– Вон там, в углу.

Пригласил на перевязку. Он пришел, я еще в халате стою.

– Коль, а ты что халат не снимаешь? У тебя когда перевязка-то была?

– Три дня назад.

– Дак, тебе пора! Ну-ка, раздевайся!

Я разделся, стали перевязку мне делать. Он:

– Прости! Я ж думал, что ты раненый.

Я говорю:

– Неужели не видишь? Неужели будут здоровых парней держать посыльными?

– Ну, я подумал чего-то... Подумал, вон старики воюют, а... Прости, прости...

– Ну, ладно.

Врач:

– Вот, простил?

– Простил.

– Слава богу!

Потом я говорю:

– Ты задел.

– Я никак не мог догадаться, что ты раненый, просто ходишь.

– Где был этот госпиталь?

– В Лукояново в Горьковской области. В школе там был.

– Как были ранены во второй раз?

– Второй – во время боя. Они пошли в атаку, мы стали отбиваться. И в этот момент по мне дали очередь. Вот я до сих пор не понимаю. Мне кажется, что, гад, не русский ли дал очередь. Может быть, и... Я сразу к своим, и тут командира эскадрона убили. Я к нему подошел – он уже мертвый. Тут перевязку мне сделал один лейтенант, и самого ранили, лейтенанта Барсукова. Командиров-то, офицеров-то никого нет – я решил подвиг совершить, остался. Не знал, кто будет. И заявляется майор Мыслин. Он был зам, а потом командир полка. Он меня и награждал. Вернее, представлял. И только после войны, после девятого! А ранен я был 2 апреля. Откуда он запомнил, что я сделал?! Вот, говорят, в царской армии фамилию дали, и все, без всякой писанины. А у нас: кричал я «За Сталина!» или не кричал?

– А вы кричали «За Сталина!»?

– Кричали. Это, оказывается, традиция. Вернее, в царской-то армии тоже кричали. Только слова: там «За царя!», а тут «За Сталина!» Когда я как-то... Показали... Я говорю: «Дак мы орали то же самое». Только одно слово измененное было. Как там... «За веру...» В общем, последнее слово «царя» мы стали кричать «За Сталина!» А больше, конечно, матом... И везде, во всех наградных листах: «С криком...»

– Что было дальше, после ранения?

– Дальше... Пока ранило, пока пришел заместитель командира полка, я пошел в госпиталь. Так как ранение-то у меня было легкое, числилось (кости не нарушены – счита-

лось легким), меня расположили в госпитале для легкораненых.

– **Где это было?**

– Это было в Чехословакии. Деревню не помню. И сестра... Я говорю:

– У меня кровотечение.

– Выдумал! Кровотечение!

И стоит с кем-то болтает через окно. Весной, в апреле-то уже тепло.

– Сестра, у меня кровотечение!

Потом думаю: «Ах, гад!» Наметил мероприятие. Взял, подвинул к себе костыль: она проходить будет, я ей врежу костылем. Это ж было раньше: если больной, раненый сестру ударит, она бежит жаловаться. Я помню практику-то! Я ее ударил, и она побежала. Тут же прибегает врач, мужчина. И последнее, что помню, он сказал: «Мало он тебе голову, черепок-то не разбил! Он же потерял... Скорей...» И пошло... И я уже больше в этом госпитале не оказался. Я уже попал в госпиталь для тяжелораненых. Опять неудачно: он эвакуировался, вернее, переезжал на новое место, а больных всех вывозили. И мы, двое, оказались нетранспортабельными из-за потери крови-то. Потом за нами прилетел самолет. Его положили, меня посадили, потому что я еще мог сидеть. Спрашивают:

– Ты можешь сидеть?

– Могу.

Я, значит, сел, и нас в Дебрецен привезли. В Дебрецене нас сразу в этот госпиталь, в котором я вылечился. А тот умер по дороге, его уже выгрузили из самолета.

Тут уже внимание было проявлено. Очень... Врач оказалась землячкой. Я, правда, вначале не понимал, о чем она беспокоится. Мне надо было влить кровь, и она говорит: «Коля, землячок, а ты как к евреям относишься?» Я говорю: «Я ко всем одинаково отношусь. А чего?»

– Кровь-то у нас только еврейская.

– Ну и что? Она поможет?

– Да, поможет.

Потом сестра, уже операционная, свою долю отдала: они перекачали мне вторую порцию. И пошло, пошло... И девятого-то мая я еле дышал, и ко мне американский летчик подошел, обнял меня, кричит: «Победа! Победа!» И больше ни хрена не понимаю. А недели через полторы мы с ним расстались: его в другой... А я думаю, что, наверно, куда-нибудь посадили. После войны написал: сообщите данные об этом летчике в таком-то госпитале. Отвечают: «У нас на иностранных военнослужащих нет данных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.